

Главная

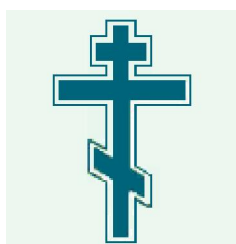
Житие

Чудеса

Иконы

Молитвы

Разное

Житие преподобного отца нашего [Спиридона](#), епископа Тримифунтского (Св. Симеон Метафраст).

Житие св. Спиридона Тримифунтского, написанное блаженным Симеоном Метафрастом. Этот памятник ценен в силу того, что он имел наибольшее распространение в Византии и значительно повлиял на славянскую агиографию (т.е. житийную литературу - прим. ред.), в том числе и на житие, составленное святителем [Димитрием Ростовским](#).

1. Величайшую пользу для души и великое богатство добродетели может принести житие мужественных и боголюбивых мужей. Ведь оно заставляет не только отстать от дурного, но и ревностно обратиться к лучшему. Ибо если кто-то будет одержим страстями, то, вкусив от подобных рассказов, он оставит стремление к ним и станет ненавидеть зло, а если кто печется и о добродетели, то еще горячее обратится к ней от этого повествования и стремлением к подобному будет подвигнут к подражанию. А что может ревностное подражание великим и дивным мужам, - это показали и прочие подражавшие предшественникам в любви к добродетели, а более всех - чудесный своим житием [Спиридон](#), который поревновал в высшей степени равно и Иакову, и Давиду и весьма прилепился к их кротости и простоте, также как и прилежно воззрел на гостеприимного Авраама и сделал свое имение доступным для нуждающихся - благодаря этому он не землю, как было обещано тому (*То есть Аврааму. - прим. ред.*), но сами небеса унаследовал. И через то богатство, которое презрел, стяжал он Самого Христа, Божественное богатство, и обогатился потоками чудес, из которых всегда черпают, но которые никогда не иссякают.

2. Принес его [как дивный плод] остров Кипр. Не был он ни многоречивым, ни изысканным в образе жизни, ни любителем общества и площадей, но простым и спокойным и, как никто другой, любил несуетность. Благодаря этому в житии полностью, как мы сказали, уподобившись патриарху Иакову, он был и

пастырем овец, однако не обычным пастырем, неким простоватым или даже диковатым нравом и неразговорчивым, но в высшей степени ревнителем добрых нравов, когда предавался беседам со множеством людей, а для бедняков и чужестранцев был таким же легкодоступным собеседником, каким был тогда, когда охотно разговаривал со всеми людьми и когда с еще большей охотой подавал всем из своего имущества. Действительно, если кто-то из проходящих мимо не заходил к нему в гости, это его очень печалило, словно он лишился чего-то величайшего и выгоднейшего. В остальном же он держал ум свободным и чуждым низкой лести и самоуничижения, но заботился о путешественниках, омывал [их] утомленные ноги, предлагал трапезу и всячески прислуживал им по закону любви и скромности, так заботясь и трудясь в одиночку, как [не трудится] никто из самых преданных и привязанных к своим господам слуг. Ведь с достоинством он соединял простоту, а с мужеством - кротость. Благодаря ревности и пламенности своей природы он расцвел красотой целомудрия, которое возлюбил, как никто другой, и много о нем заботился: прожив с законной и целомудренной женой недолгой срок и став с ней отцом детей, в оставшееся время он пребыл выше удовольствий и всяких прочих плотских похотей. С тех пор еще трудолюбивей добывая мед добродетели и прилежно заботясь о законе Господнем, он стал весьма человеколюбив душой и сострадателен умом, и, говоря кратко, [Спиридон](#) был неким божественным примером и образцом добродетелей, все их,

которым мало кто может подражать, храня записанными в себе.

3. Так, сияя подвигами и проводя великую жизнь, он удостаивается и много больших даров: я имею в виду и те, что здесь, и те, что в будущем изобразят его величие. Были же они таковы: он укреплял тела, охваченные болезнью, врачевал немощи, труднейшие для лечения, запрещал духам нечистым, и не было вообще никакого промедления между его запрещением и их бегством, но они тотчас исчезали. И многое другое, большее этого, он творил при содействии [Божией] силы. За это и пастырем поставляет его паства: получив в управление людей вместо овец, он был назначен епископом города Тримифунта, когда Константин Великий правил над ромеями. А какое у него и после поставления было попечение о добродетели, покажут тем же образом чудеса после поставления. Впрочем, рассказывать все о нем бессмысленно и невозможно, равно как, конечно, грешно и просто все опустить - что же и рассказать возможно, и услышать весьма полезно, то я и поведаю.

4. Наказал Бог остров [Кипр] бездождем, и настала ужасная засуха. За ней последовал голод, а за голодом - язва, и великое множество [людей] или уже погибло, или думало вот-вот это претерпеть. Нужен был, несомненно, кто-то удивительный, как Илия или подобный ему, дабы молитвой отверзть небеса, и это был [Спиридон](#). Ибо когда занесен был бич [Божий] и народ жестоко

страдал, он, переживая за стадо и горя отеческим сердцем, просит, как человеколюбивый, Человеколюбивого Бога, а Тот сразу наполняет небо до края земли облаками. И что поистине удивительно: дабы никто не подумал, что дождь следует за неким естественным движением стихий, издали показывает их Бог и держит, не попуская пройти над островом, прежде чем снова не попросил Его святой. И вот он [в молитве] еще не пролил и капли слез, как тотчас полил обильный дождь. И пьет земля, питаются злаки, тучнеют поля, и все бедствия разом прекращаются. Этим [Спиридон](#) и самого Илии, - отважусь сказать даже так, - человеколюбивей. Ведь тот (*То есть пророк Илия. - прим. ред.*), удержав дождь [в качестве наказания], затем снова его послал, а [Спиридон](#), не подражая первому делу, равным явился во втором. Вот [я рассказал] об этом, но и следующее ничем не хуже.

5. Снова настала общая засуха, и остров [Кипр] не рождает плодов. Хлеботорговцы, стремясь при такой Божией угрозе извлечь выгоду и используя удобное время, еще более усиливали нужду, «наживаясь, - как говорит божественное Писание, - на хлебе и на чужих бедах» (*См. Ам.5,11. - прим. ред.*), добывая себе незаконную наживу. И вот один бедняк, подойдя к одному из так обогащавшихся и не имея денег, на которые мог бы для своей нужды купить что-либо, предлагая же, увы, только слезы, которыми [только и] владел, и принося горестные стенания со скорбным видом и обликом, попытался уговорить немилосердного, касаясь

его ног, оплакивая весь дом, чего только не говоря, чего только не делая, что могло бы обратить того к милосердию. Когда же он нисколько не смог подвинуть к состраданию эту окаменевшую душу, бедняк находит единственное прибежище - преподобного. Придя к нему, он описывает и свою нищету, и крайнюю бедность по милости богатого. Выслушав, тот пожалел его за несчастье, а богатого за жестокость [праведно] возненавидел и, словно движимый Богом, совершенно пророчески предсказал: «Ты не стнай и не плачь, ведь завтра ты увидишь, что дом твой ломится от благ, а ныне богатого тогда все будут жалеть и смеяться над ним, и сам он против воли предоставит тебе то, о чем ты просишь, и будет настойчиво умолять тебя принять [оное]». Бедняк решил, что святой говорит это ему только для утешения в наступившей беде. И уходит он оттуда опечаленным, обнаружив, как ему казалось, что даже сам священный якорь напрасен и бессилен в больших надеждах [на него во время штормов].

6. С наступлением ночи Бог милосердствует: небо внезапно проливает на землю воды настолько щедро, что их большим потоком снесло также и амбары богача, а зерно и другие запертые там плоды вынесло в изобилии, и лежали они готовыми для желающих их расхитить. Когда же наступил день, богач, рыдающий, несчастный, бегал туда-сюда и оплакивал справедливое несчастье, а затем стал просить прохожих помочь и брать собранные им плоды. После того как множество нищих

сбежалось на раздачу, приходит и наш бедняк, пораженный чудом, и с великим наслаждением насмехается над богачом, ставшим справедливейшим посмешищем, но в то же время наполняет дом плодами, и все ему досталось легко, как говорится, «без сеянья и жатвы» (**Дословно: «не сеял и не жал». - прим. ред.**). Затем этот жестокий и немилосердный [человек] увидел сбежавшийся народ (ведь ничего из предсказанного [Спиридоном](#) не должно было остаться без исполнения) и загребающих в изобилии обеими руками все его добро, а в их толпе и вчерашнего просителя, потому что и он, как мы сказали, обильно наслаждался доставшимся ему. Тогда, словно желая добровольно одарить того и предстать щедрым товарищем, а на самом деле будучи весьма скареден и враждебен, он велит тому брать вдосталь и без ограничений. Но тот, изрядно поиздевавшись над его неразумием, отправился домой, благодаря Бога, равно как и воздавая благодарность [Спиридону](#). Так [Спиридон](#) мог не только ради многих, но и ради одного [человека] часто открывать небесные источники, равно как и предсказывать время, когда это произойдет, и к тому же помогать бедным и воспитывать богатых. Ибо пусть этот скряга, как будет рассказано ниже, и не стал нисколько добрее, но у многих подобных ему случилось изменение к лучшему. Кто из присутствующих не послушал об этом с удовольствием? И кто, услышав, не обратит свой любопытный слух к остальному и не захочет узнать? А желая этого, кто будет столь косен или завистлив, что лишит страждущую душу такой

пищи?

7. Вот и другой крестьянин, из знакомых преподобного, сильно страдая от голода, отправляется к тому же бедному богачу, у которого было еще много других наполненных зерном амбаров, думая, что того, конечно же, прежнее несчастье вполне вразумило. Но оказалось, что он потерял зерно, однако ни жадности и жестокости к ближнему в нем совершенно не убавилось, ни лучше он нисколько не стал. И хотя бедняк обещал с процентами вернуть к сроку взятое, но тот (а это и есть предмет нашего рассказа) сказал ему, что он питает неразумные надежды. «Ты, - говорит, - без денег ни зерна, ни даже тени его не получишь». Тогда, выслушав (**Букв, «получив». - прим. ред.**) отказ, и этот бедняк подражает предыдущему и, словно к общему сокровищу, прибегает к [Спиридону](#) и рассказывает ему, и что претерпел, и что был вынужден выслушать от богача. А тот, достаточно его наставив, отсылает домой. Однако не только на словах дает он наставление, но и сам великий архиерей приходит на следующий день к бедняку, неся нечто, золотое по виду и немалое по весу, а что это было и откуда и как досталось святому, вскоре объяснит наш рассказ. Пока же великий [Спиридон](#), передав это в руки бедняку, сказал: «Возьми и отдай богачу то, что он желает в залог, а себе набери у него всего нужного и необходимого». Бедняк, взяв это, обрадовался, и быстро, как только мог, отправился к богачу, а тот, увидев, что у него в руках, - еще недавно жестокий,

неумолимый, глухой к просьбам, - вдруг на глазах меняется и становится ласковым и человеколюбивым. И, взяв это, щедро дает ему хлеба так, чтобы и дом свой он наполнил, и чтобы посеять семена на своих полях ему хватило. И взятое оказалось таким урожайным, что он вернул давшему долг, забрал оттуда оставленное в залог золото и обратно с благодарностью принес святому.

8. Но это о бедняке и его пользе, а слово [наше] желает достичь и своей цели и поведать, что обещало: чем это золото было прежде и откуда взялось. Ведь преподобный, забрав данное им, говорит бедняку: «Пойдем, брат, и вместе отдадим это человеколюбиво Одолжившему». Так сказал и, взяв его, ведет в некий огород, который в отсутствие хлеба утешал великого [Спиридона] малым количеством овощей. И став у самой стены и коснувшись ограды, взор же устремив на небо, возгласил так, чтобы было слышно стоявшему рядом: «Господи мой Иисусе Христе, все творящий и изменяющий одной Своей волей, превративший жезл Моисея в змею на глазах царя Египетского, Сам и это золото, - как прежде из животного привел его в такое обличье, так и ныне соблаговоли вернуться ему в изначальный вид, дабы и этот наш друг узнал о Твоем попечении и самими делами был научен сказанному в Писании, что "Все, что захотел Господь, сотворил"» (*См. Пс.134,6. - прим. ред.*). И когда он так помолился, - кто может высказать, Владыко, превосходство Твоих чудес! - золото оказалось змеей,

дышащей и ползающей, и она двинулась и поползла к ограде, откуда и была прежде взята рукой святого, который превратил ее поразительным образом в золото. Увидев это дело, превосходящее всякое человеческое разумение и охваченный трепетом, крестьянин падает ниц на землю и посыпает голову прахом, проливая из глаз слезы и говоря, что он не достоин не только такого дара и милости, но даже просто слышать и, тем более, видеть это. Впрочем, преподобный поднял его и укрепил душу его вместе с телом; а змея, заползши под ограду, забралась в свою прежнюю нору. Действительно, это чудо не нуждается в возвеличивании никаким словом, ведь оно само по себе оказывается таким, а природа совершенно не нуждается в искусстве, обладая собственным превосходством. Но расскажем в продолжение этого [повествования] еще об одном случае, родственном предыдущим и [исполненном] той же благодати и силы.

9. Другой, тоже близкий к преподобному человек, сопричастный добродетели и этим подвигнувший дурных людей к зависти, подвергся по чьим-то проискам клевете и, схваченный правителем, попал в тюрьму, и не только: был осужден на смерть. И вот, когда срок уже близился, бежит, предузнав об этом, святой, спешит вызволить друга из беды. Но была тогда середина зимы, и протекавший рядом ручей, переполнившись водой и выйдя из берегов, широко разлился на его пути и стал совершенно

непереходим. Он же, когда привел себе на ум Иисуса Навина и его дела и подумав о переходе ковчега, был уверен, что Бог - Тот же, что и тогда, и, обратившись к ручью, как к слуге, сказал: «Остановись, повелевает тебе Всеобщий Владыка - я перейду, и спасется муж, ради которого мы спешим и много молились Богу». Сказал так, и тотчас, согласно сказанному, на реке появляются узы, и течение останавливается. И уступает путь она не только [Спиридону](#), но и другим путникам, больше уже не являясь тяжелым и непреодолимым препятствием. Это попутное дело, но не хуже его совершается и чудо самого дела, а из-за первого и второе лучше устраивается. Ведь его спутники, увидев случившееся, побежали вперед него и, достигнув города, стали блистательными глашатаями совершившегося. А правитель, отчасти пораженный этим, отчасти же охваченный страхом, как бы не оказаться противником мужа, который способен на столь великое, тотчас освобождает его друга из оков и дарует его святому. Тот же, взяв его, возвратился, устроив два дела по одному поводу: остановив у ручья - течение, а у человека, - весьма человеколюбиво, - [плачевное] стечение обстоятельств. Пророчества, чудотворения, или же сочувствие в несчастьях, полагаю, не могут быть большими, чем описанные [здесь] знамения.

10. Слово [наше] готово показать и нечто большее, чем то, что было сказано как о пророчестве, так и о сострадании (я имею в виду [его умение] видеть незримые грехи людей и отпускать их) и

по человеколюбию нрава, и по обилию благодати. Великий муж, повсюду сохраняя свой образ жизни, словно некий непоколебимый закон, особенно радовался простоте, так как действительно желал подражать своему Владыке. Ведь он ни лошадьми для путешествий не пользовался, ни о воздержании от общения и встреч со всеми, словно о чем-то действительно важном для себя, не заботился. Итак, когда однажды после утомительного путешествия он, с сильно уставшими от пути ногами, попал в гости к одному из друзей - чаду своего стада, тот, добрая овца доброго пастыря, словно взирая на его жизнь как на прекраснейший пример, явил меру учителя, а вернее, Владыки и Первоучителя Христа. Ибо взяв воды и налив ее в таз, он был готов омыть святому ноги. Но и соседи его, когда узнали, что святой прошел мимо, равно поспешили и не менее сильно пожелали поступить также, и это дело у них стало словно предметом спора, и соперничали они друг с другом за это благословение.

11. Среди них усиленно расталкивала многих некая женщина, особенно ревностно стремившаяся произвести это дело, но она незадолго до этого прикоснулась к плотской любви и, что еще хуже, стала, увы, сопричастной греху. А он, взирая, действительно, на сердце и словно отлично зная ее дела, кротко обращает к ней свое кроткое и сладостное лицо, кротко же и говорит ей: «Не касайся меня, женщина», - не потому что, как кто-нибудь может сказать, превозносился или гнушался женщин (ведь как это мог

ученик Того, Кто ел вместе с мытарями, блудницами и грешниками?), но наставляя ее, подвигая к осознанию дурного дела и, таким образом, мягко призывая ее к покаянию, что, действительно, возымело действие и совершилось по его замыслу. Ведь когда она снова постаралась исполнить желаемое и предприняла еще одну настойчивую попытку, он обратился к ней много резче, открыто рассказав, что она совершила. Тогда, действительно, и она, поразившись душой мудрости его запрещения, поразившись же так, что увидела и незримые язвы своей души, уже не водой, но слезами оmyвает его ноги и с сокрушенным сердцем рассказывает о содеянном. И что же? Она обращается к нему как прелюбодейка, а он дерзновеннейше, как Владыка, говорит ей: «Дерзай, дочь, прощаются тебе твои грехи» **(См. Лк.7,48. - прим. ред.)**. И снова [говорит]: «Вот ты выздоровела; не греши больше» **(См. Ин.5,14. - прим. ред.)**, - одновременно и исцеляя ее, словно мудрый врач, и заботясь, чтобы она вновь не впала в то же. Так вот она получает и нечто более прекрасное и полезное, чем исцеление, чтобы не только ей было дано неизменное здоровье, но и другим было оно показано, дабы многим явиться причиной для спасения.

12. Поскольку же жизнь его уже достаточно засвидетельствована чудесами, надо поведать, какая была у него и ревность в отношении веры - об этом расскажет нижеследующее. Когда римлянами правил Константин Великий, первый христианин среди

императоров, а консулами были Павлин и Иулиан, в год от царствования Александра, сына Филиппа, шестьсот тридцать шестой, тогда и собрался в Никее знаменитый Собор святых отцов, чтобы низложить Ария, нечестиво именующего Сына творением, и утвердить, что Сын единосущен Отцу. Были же там самые первые и известнейшие его сподвижники по еретическому богохульству: Евсевий Никомедийский, а с ним Марий и Феогний, из которых первый был епископом Никеи, а Марий - Халкидона. Они, предводимые в своем безумии Арием, утверждали, сами дурные творения, - о безумие! - что Сын Божий и Бог тварен. Из защитников же благочестия первыми, которых отличало от других и слово, и жизнь, были следующие: великий во святых Александр, будучи пресвитером, занимал тогда место блаженного Митрофана, так как тот не присутствовал по причине болезни, и великий Афанасий, тогда еще не восседавший на священном престоле, но занимавший диаконский чин в Александрийской церкви. Поэтому против них возникла и немалая зависть, так как они, еще не отличаясь саном, сильно превосходили остальных в рассуждении о вере. Был же с ними и великий [Спиридон](#), чья жизнь и обитавшая в нем благодать были полезней для убеждения, чем языки других, неразрешимые битвы силлогизмов и изысканные периоды речей.

13. Когда же дело обстояло таким образом (здесь и начинается самая приятная часть рассказа), присутствовали на соборе и философы, по решению императора, хвалящиеся

перипатетическим трёпом и весьма образованные в софистическом уловлении душ. Один среди них предводительствовал в рассуждениях, обладая непобедимой силой убеждения, и всеми языками был восхваляем за благоязычие. Он, присоединившись к епископам, сильно поддерживал Ария и мощно противостоял его обвинителям, так что привлек большую часть аудитории, собравшейся узнать, кто из спорящих станет победителем. Ведь не было ничего сложного для разрешения, чего бы он легко не разрешал силой риторики. И так как часто его защита приходила в затруднение, он, подобно угрю, вывертывался при помощи уловок убеждения и софистических хитростей. Итак, происходило столкновение истины и искусства, когда одни рассуждали истинно, осыпая софиста основательными мыслями, а он пользовался, словно оружием, разнообразием слов, обманом и злокозненным коварством и считал, что этим сможет, конечно, победить.

14. Но чтобы не за словами осталась победа, а за Христом и за истиной, то, миновав других разумных, она достается простому [Спиридону](#), который не знал ничего больше, кроме Христа, и Того - Распятого, - как говорит Павел (*См. 1 Кор. 2 2. - прим. ред.*). Когда он увидел, что философ кичится своими софизмами, направляет свой бранчливый язык против Христа и пытается поносить наше учение, то, выступив, попросил дать и ему кратко высказаться. А сторонники благочестия, зная его простоту и старомодность, а

также полную непричастность к эллинскому образованию, попытались помешать ему выйти на середину и поспорить с софистом. Но он, нисколько не послушавшись их (ибо знал, что может вышняя мудрость, а что - человеческая и бессильная), подошел к этому мужу и сказал: «Во имя Иисуса Христа, о философ, внимли теперь и моим мыслям и сам послушай, что я хочу сказать». Когда же тот сказал, что «ты говори, а я послушаю», [Спиридон](#) произнес: «Един Бог, Создатель и неба, и земли, и всего остального, что между ними. Он Тот, Кто произвел и небесные силы; Он Тот, Кто из земли сотворил человека и устроил все видимое, равно как и невидимое, и Его Словом и Духом произведено небо, произведена и земля, явлено море, устроен воздух, порождены животные, сотворен человек - это вот живое и чудесное создание, и все произошло: звезды, светила, день, ночь и все остальное. Итак, мы знаем, что это Слово Божие есть Сын и Бог, и веруем, что ради нас Он родился, был распят и, наконец, погребен, а затем воскрес и совоскресил нас, даровав нам нетленную и вечную жизнь. Мы исповедуем, что Он вновь вернется как Всеобщий Судия наших и дел, и слов и как Неложный Исследователь помыслов; что Он единосущен Отцу, что Он сопрестолен Ему, что Он равночестен Ему. Не так ли и ты считаешь, о философ?»

15. Он спросил, а тот, словно и прежде имел то же настроение, но не тот же ум и язык, так легко сопротивляющийся и

соперничающий, поразился слухом, поразился и душой, угас голосом и, замолкнув надолго, не мог сказать ничего, кроме того, что и сам также думает. Тогда святой сказал: «Раз ты согласен со мной в этом, то не различайся и на деле, но, зная, Кто Бог, и, исполнив все это, встань, приди в Церковь и прими знамение православной веры». Когда философ услышал это, он тотчас обратился к правильному благочестию; обратившись же к своим ученикам и к другим слушателям его речей, сказал: «Покуда, о мужи, было состязание в словах, и я сопротивлялся искусством, однако когда уже не слова, а божественная сила противостоит мне и в простоте речей являет некую тайную и неизреченную силу, тогда я уже не стыжусь своего поражения. Но и мне, и другим я с радостью посоветовал бы, если кто-то не извращен или не хочет прегрешать против истины, уверовать во Христа и прийти к этому старцу, у которого язык, конечно, человеческий, а слова Божии». Какое, как вы думаете, это было для ариан посрамление, а для благочестивых - честь и сладость? Итак, эти так мощно победили, а те проиграли, так что почти все обратились к правому мнению, и лишь шестеро осталось с Арием, дабы унаследовать порочную и блудную часть отца лжи и непримиримого с самого начала врага истины. Когда зломыслящие были так изобличены, епископы разъехались, радуясь победе и пораженные чудом, благодаря Бога за две вещи: и что видели поразительную вещь, и что одолели Ариево безумие. И властитель, сам совершенно потрясенный этим чудом, всякими почестями почтил мужа и, попросив его о милости

Божией, отпустил домой.

16. Пока все это происходило, внезапно умирает у преподобного дочь, родившаяся у него в законном браке, которая в цветущем возрасте обильно явила прекраснейшее целомудрие и все время провела девой - дар Чистому Жениху, достойный небесных чертогов. Когда же [Спиридон](#) вернулся и воспринял это несчастье так, как его должно встречать, подошла к нему сразу после приезда одна женщина, страдающая и стонущая из-за того, что еще при жизни его дочери оставила ей на хранение некое золотое украшение, и когда она была так внезапно поражена смертью, вверенное ей осталось у нее. Озабоченный этим преподобный - а как было этого не сделать ему, который, обладая столь человеколюбивой душой, считал, что если не вернет вверившей ее собственность, то прегрешит против справедливости, и полагал, что и сам отчасти причинил ей зло? Итак, когда он, тщательно обыскав весь свой дом, не смог нигде найти искомого, что же происходит и какой исход устраивает многообразная Божия мудрость? Он приходит к могиле, как прежде мой Христос к Лазарю, и сам, конечно, будучи Его учеником, и словно подражая Ему; последовало же за ним и множество спутников. Затем, оказавшись будто не в склепе, а в покое еще живой дочери, он позвал ее во всеуслышание по имени, сказав: «Чадо Ирина, где вверенное тебе украшение?» А она тотчас, словно пробудившись от легкого сна и здоровая и духом, и голосом, говорит: «Господин

мой, в такой-то части дома находится вверенное мне золотое украшение». Потрясение от этого охватило присутствующих. А затем и другое чудо следует за этим чудом. Ведь он, словно будучи владыкой над жизнью и смертью (почтенный таким даром от Возлюбленного Христа) и оживив ее по нужде ненадолго, велит снова умереть и произносит: «Упокойся, наконец, чадо, пока Общій Владыка вместе со всеми не воскресит тебя». А сам, придя в комнатку своей дочери, нашел, где она и сказала, украшение и, взяв, вручил женщине, даровав так этим чудом и верным возрастание. Это вот случилось на острове.

17. Но чтобы и Антиохия не осталась без лицезрения и свидетельства добродетели и благодати [Спиридона](#), случается и такое необычайное чудо. А какое, сейчас пояснит наш рассказ. Уже больше не правил Константин Великий, а начали [править] его сыновья. И Констанций, получивший в управление Восток, пребывал в главном городе Килесии, я имею в виду Антиохию; посетила же его весьма тяжелая болезнь, посрамляя руки и искусство врачей. Отчаявшись в нем и во всем остальном, он стал молить Единственного Способного исцелять и души, и тела. И вскоре, после усердных молитв, ночью является ему в видении ангел, показывая ему хор из множества святых епископов. Взглянув на них, император увидел, что посередине стоят двое, также выглядящие как епископы, но казавшиеся предстоятелями и предводителями других. Указав ему на них, ангел сказал, что

только они могут исцелить его болезнь. Когда же его оставил сон, он стал размышлять, кто бы они могли быть такие, но не мог никак согласовать этот сон. А как, если не знаешь ни их имен, ни их родины? Особенно же потому, что один из явившихся ему в виде епископа, тогда еще не был им в действительности, но только должен был стать, отчего и был представлен словно уже ставший им. Итак, властитель, недоумевая относительно этого, и движимый видением, и подгоняемый страданиями, не знал, что и предпринять. Но пламень его веры сильно увещевает его, что не напрасно предстало перед ним такое видение, и убеждает мыслить по-царски и мужественно и не лишаться мудрости даже в таких обстоятельствах. Ведь он велел всем епископам Римской державы, которые пеклись о добродетельной жизни, собраться отовсюду, чтобы, когда они съедутся, узнал он и двух явившихся ему.

18. По всей подчиненной римлянам земле послал он письма и созвал епископов. И поскольку после прибытия остальных искомые никак не опознавались, посылает он и на остров Кипр, призывая [Спиридона](#) и его благодать. А тот духом уже предузнал все случившееся с властителем, ведь благодать все поведала ему во сне. Когда же с этим совпали и слова императора, он совсем не против воли отправляется к нему, взяв с собой и того мужа, который в явившемся императору видении стоял с ним рядом, а имя его было Трифиллий, - не удостоенного еще священства, но

свыше и до человеческого выбора получившего рукоположение. Итак, входит вместе с ним [Спиридон](#) во дворец в весьма простом и неприязнательном обличье. Ведь одежда его была весьма убогой, а в руке у него был пальмовый посох и на голове тиара; в дополнение к этому на шее у него висел глиняный сосудик, как в обычае у жителей Святого Города, которые используют его, чтобы носить в нем елей от Божественного Креста.

19. Поскольку же не только в простоте и скромности, но и в перенесении оскорблений должен он был подражать своему Владыке, один из бывших во дворце, насмехаясь над его простотой и считая неприличным входить так к императору, поразил пощечиной его священную щеку. Не сошел свыше гром на голову ударившего, а тот, конечно же, сдержался, боголепно перенеся это на себе. И он, о эта благородная и стремящаяся к страданиям душа, подставляет насмешнику и другую [щеку], будучи готовым исполнителем Владычного закона и готовностью к страданию побеждая буйную разнузданность и опрометчивость. Увидел это наглец и сильно опечалился, особенно узнав, что оскорбил епископа. Переменившись от этого, он становится просителем и молит о прощении, стараясь исправить опрометчивую дерзость горячим покаянием. А тот (ибо умел как переносить оскорбления, так и отпускать долги, и, более того, воздавать благом) словами, какими только мог, благодетельствует опечаленного, отечески наставив его и сделав его душу лучше. От

этого, действительно, и облеченные первыми почестями от императора со стыдом встретили мужа и проводили его, как положено, к императору.

20. Несправедливо было бы обойти случившееся между делом, как достойное слуха и способное принести большую пользу любомудрым душам. Великий увидел, что его ученик Трифиллий (который в будущем стал совершенным, пусть и не таким, как он сам, а теперь еще считал немалой вещью искомое многими мирское величие, поскольку был еще юн и имел восприимчивый к этому возраст) удивляется всему во дворце, я имею в виду роскошные одежды, сияние золота и, прежде всего, самого правителя, сидящего на троне в некоем страшном и славном облике. Видя, что тот приведен всем этим в замешательство и будто в исступление, он, словно прекращая его сон и сновидения, которые тот видел наяву, коснулся его рукой, потряс и сказал: «Но покажи мне, Трифиллий, самого этого императора, ведь я не знаю, каков он». А тот, не поняв, чего хочет великий, сказал: «Вот он», показав рукой на императора. «Чем же он, - говорит [Спиридон](#), - удивительней остальных? Разве скажешь, что он праведней от этой роскоши и славы? Разве и он не умрет, подобно безвестному и беспризорному нищему? Так же не будет погребен и не истлеет? Равным образом не предстанет перед Неподкупным Судией? Что ты считаешь преходящее как остающееся и удивляешься ничтожному, когда надо скорее искать невещественного и вечного

и любить одну лишь нетленную и небесную славу?»

21. Пока тот говорил это Трифиллию, император с высокого трибунала бросил на него взгляд, и сразу же его привлекли сам облик того и одежда, соответствующая виденному им образу. Таким ведь представил его сон, и все это было в нем: посох, висящий на шее сосуд и одеяние. Все это он сам тотчас узнал, а опознать Трифиллия не смог и даже не старался разглядеть его облик, так как он видел, что это не епископ, как ему явилось во сне. Поэтому и встав тотчас с трона, он направляется к великому, ведь желание выздороветь заставило его пренебречь всем остальным. Действительно, и императорское достоинство, и величие власти он счел чем-то малым и вторичным по сравнению с восхвалением великого; и весьма бесславно и смиренно подходит к нему, простотой ища милости и показывая, какова разница, я имею в виду, между привременным царем и мужем, служащим Царю Вечному. Итак, преклонив перед ним голову, он стал со слезами умолять его и просить его молитв, словно некоего сильнейшего лекарства, способного легко все исцелить. И когда его рука коснулась головы императора, болезнь тотчас же исчезла, и император исцелился.

22. Кто может рассказать случившееся при этом с присутствующими и с самим императором? Как весь тот день справляли они праздник и чуть не скакали от счастья и нисколько

не сдерживали своей радости - один [Спиридон](#) был у всех на устах, одного [Спиридона](#) призывали, на [Спиридона](#) смотрели, все думали о [Спиридоне](#). Итак, тело императора исцелилось, но презрел ли врач его душевное здоровье, как нечто малое и несущественное? И где оно для его священной души? Но и ей он, конечно, подал соответствующее лекарство: призвав того помнить о Божиих благодеяниях, но и своим подданным, согрешившим и огорчившим его, [подавать] прощение и милость, остальным же - благодеяния и щедрость, а для лишенных даже самого необходимого исполнять роль отца и попечителя и простирать к ним руки и человеколюбивейшее сердце. «Ведь насколько ты превосходишь остальных, - говорит он, - настолько ты обязан быть выше и по добродетели. Потому что не относящегося так к подданным должно называть скорее тираном, чем императором, которого не ублажают за его власть, но считают жалким и ненавидят за надменность». Во всем тщательно увещевает он того относительно благочестия, чтобы не принимать даже в самом малом того, чему не учит Божия Церковь. Так поступил великий [Спиридон].

23. Император же, желая наградить его за исцеление, стал давать ему неисчислимое количество золота, но он радостно сказал тому: «Не должно было так, о император, отплачивать ненавистью за дружбу, ведь то, что я сделал для тебя, было из чистой любви - то, что я оставил дом, переплыл такое море и перенес тяжчайшую

зиму и суровейшие морские ветры. Как же мне принять за это в награду золото, виновника всех зол, легко оскверняющее любого праведника? И как мне не обвинять тогда себя, который ясно осуждает порочность?». Когда он сказал это и не согласился ничего взять, император еще сильнее пытался дать ему, словно считая, что стыдно не отблагодарить благодеяниями претерпевшего такое, но, исцелившись от телесной болезни, уступить ему в благородстве души. Поэтому он начал еще сильнее стараться как-нибудь одолеть того, казавшегося столь непобедимым. И он убеждает того [Спиридона] принять это, пусть даже данное ему и не останется у него. Ведь когда тот пошел навстречу императорскому велению, то раздал все бывшим во дворце, делом уча их, как должно и им поступать с богатством и деньгами, если они только хотят быть свободными. Ведь сильное стремление к ним и желание быть побежденным ими, - что иное, как не очевидное добровольное рабство? Император, когда услышал это, сказал, что больше не удивляется тому, что этот муж, живущий так, оказывается и творцом великих чудес. Так сильно воспринял император слова [Спиридона](#) и так обратился к человеколюбию и милости, что великодушно даровал утешение всем нуждающимся, и вдовам, и сиротам, одним - в их вдовстве, другим - в их сиротстве, иным - в их нищете. И всем относящимся к церкви, пресвитерам и диаконам, он первым даровал своим законом освобождение от налогов, сочтя неуместным, чтобы избранные для служения Бессмертному Царю платили подати

смертному. Так вот обстояло дело.

24. Но наше слово желает упомянуть и о других чудесах, украшенных сиятельным цветом благодатей и дышащих пользой и наслаждением. Ибо к вышедшему из дворца святому, который воспользовался гостеприимством одного из христоролюбивых людей, подходит одна женщина варварка, не знающая греческого языка, неся на руках своего мертвого ребенка, и кладет его к ногам святого. И сама она также припадает к нему, горестно и печально рыдая и говоря что-то непонятное присутствующим по-варварски, так что изъяснялась она одними слезами и ясно показывала, что этот плач из-за ребенка и что она просит у архиерея оживить его. Сострадательнейшей душой муж разрывается между двумя вещами, а именно: смиренностью ума и состраданием к женщине. Ведь когда он увидел ее страдание и пожар ее утробы, то обращался к чуду и порывался молиться Богу об оживлении ребенка, когда же вновь взглянул на величину просьбы, то, будучи скромн рассудком и не менее богобоязнен сердцем, начинал отступать и отказываться и считал такую попытку дерзостью. Поэтому он решил взять себе в советчики одного из бывших с ним. Это был Артемидор, бывший уже диаконом, муж, который прилежно упражнялся во всех добродетелях, но который во всех них пользовался словно одним покровом - никому никоим образом не делая известными свои деяния. Его-то и выбрал святой, чтобы спросить, что им делать. А тот ему отвечает так, как тому,

несомненно, следует говорить, а ему - слушать: «Что же, отче, ты меня спрашиваешь? Что другое надо сделать тебе, как не призвать Живодавца Христа, Который уже, как очевидно, многократно прислушивался к твоим молитвам, так что если Он спас через тебя императора, то, нет сомнения, разве можно считать, что будут презрены Им безвестные нищие?»

25. Слушается архиерей прекраснейшего совета и, жалостью воспламенив сердце, слезами наполнив очи, колена преклонив к земле и слезами оросив ее, весьма горячо и страдальчески восклицает, человеколюбиво моля Благого Христа оживить этой женщине ребенка и явить мать, по священному речению (**См. Пс.112,9. - прим.ред.**), радующейся о чадах своих. И вот Тот, Кто через Елисея и Илию вложил дыхание и даровал жизнь детям сарептки и соманитянки, услышал вновь и [Спиридона](#), и дитя, лежавшее мертвым, оказалось чудесным образом живым, движущимся и плачущим, как обычный ребенок, на глазах у матери. Слезами от радости наполнились мои глаза, ибо так задело мою душу то, что сейчас будет рассказано. Послушайте же и вы. Ведь когда мать увидела своего любимейшего живым - о твои неизреченные суды, Христе! - она, не вынеся избытка радости, упала на землю бездыханной. Случившееся показывает, что ничто чрезвычайное не бывает абсолютно лучшим. Ибо вот мы видим, что смертелен не только избыток печали, но и неумеренная радость. И вы страдали душой, я уверен, переходя от радости к

скорби. Ведь в природе людей заложены сострадательность и человеколюбие; но рядом великий, чтобы превратить вашу скорбь в радость. И снова он слушается Артемидора и, смиренномудрый, соглашается вернуть ребенку мать. Итак, возрев на небо, приняв в сердце и умолив Обитающего там Господа, Вдыхающего жизнь в умерших и одной волей Своей все Претворяющего и Превращающего, говорит лежащей: «Поднимись и стань на ноги». А она тотчас, словно находясь во власти сна или, вернее, смерти, встала и предстала перед ним и взяла на руки дитя. И оно было живо, как говорится, и взыграло в материнских объятьях. Но великий, по избытку своего смиренномудрия, как было сказано, хотел, чтобы это оставалось неизвестным. Поэтому и Артемидору, и через него женщине он велит всецело молчать об этом. Но Артемидор после его кончины, сочтя, что было бы недостойно скрывать от боголюбивых такой прекрасный рассказ, а вернее, чудо, открыл его и поведал верным. Так это было.

26. Когда же великий вернулся из Антиохии на Кипр, приходит к нему некто, желая купить у него коз, числом сто, и предлагая преподобному вначале заплатить, а потом взять их. А сам он заплатил только за девяносто девять, удержав цену одной, выгоду сочтя, как говорится, выше стыда, или, может быть, думая обмануть в этом его простоту и неделовитость в торговле. Итак, когда они оба оказались внутри загона, тот велел, чтобы, какую он заплатил цену, столько бы и взял, а он, считая по-другому, выгнал

из загона сто [коз]. Тогда одна из коз, словно верная служанка, почувствовав, что хозяин ее не отдавал, быстро вернулась обратно и убежала в загон. Тот снова отвел ее и силой оттащил, бесстыдный: происходила эта удивительная вещь еще дважды и трижды. И коза возвращалась, а он оттаскивал ее обратно гневными руками и душой. И что же? Ничего не достигнув, он схватил ее и, взвалив, понес на плечах, но она стала вопить громким и очень резким голосом, бить его рогами и бодать в голову, ясно свидетельствуя о насилии и словно наказывая несправедную жадность, так что эта вещь привела в изумление и присутствующих, не понявших причины этого. А великий, не желая открыто обличить его, сказал обидчику наедине: "Смотри, чадо, не просто так и не неразумно противится это животное тому, кто уводит его, но потому что ты, скрыв, не заплатил ее цену". Пораженный этим, сей «рыболов» образумился и, придя в чувство, понял, что сделал, и сознался в этом, и попросил прощения, после чего, заплатив цену этой одной, отвел ее, больше не кричащую и не упирающуюся, но спокойно следующую за другими. Вот что случилось с ним.

27. А вот и другой; но расскажу все сначала. На острове есть одна деревня под названием Эритра, неподалеку от столичного города Константианы, ведь отстоит от нее не больше, чем на тридцать стадиев. Оказавшись там по какой-то нужде, великий вошел в храм помолиться и велел некоему диакону из местных совершить

священнословие покороче. Ведь он устал от долгого пути, а особенно из-за летней погоды, так как жара причиняла ему большие страдания. Но тот стал еще медлительней и начал по собственной воле затягивать, честолюбиво ища себе в этом, как ему казалось, напрасной славы. Кротчайший по своей природе, он гневно взглянул на него и сказал, поражая его: «Замолчи!» И тот, словно от некоего кляпа лишившись речи, остался безгласен, внезапно прервав череду исполняемой им молитвы. Но когда преподобный сам исполнил оставшуюся часть, после ее окончания со слезами припадает к нему несчастный, а еще недавно горделивый, и онемевший, [хотя] прежде изобиловавший словами и радовавшийся своему неуместному занятию. Присутствовавших же там жителей деревни охватил страх, а отсутствовавших заставила сбежаться туда молва. И после того, как сбежалось множество народу, и удивляясь чуду великого, и жалея пострадавшего, особенно же его родственники и домашние стали тотчас просить его благородную душу, чтобы он простил осужденного на немоту и снял с него узы, смотри, что делает он, заботливый и весьма соответствующий добродетели. Ведь склоняясь, с одной стороны, к их просьбам, а с другой, сдерживаясь тем обстоятельством, что надо было еще наставить диакона (ибо и это прозрел он духом), он великодушно разделяет наказание и позволяет ему во всем пользоваться языком, но не развязно, не, как прежде, соблазнительно и распевно, а косо и заплетаясь, равно как и немного заикаясь, наставляя его больше

не превозноситься языком и не гордиться словами, поскольку ревностному мужу неприлично увлекаться такими вещами.

28. Я тоже хотел бы теперь положить конец слову и возлюбить молчание, так как у меня нет языка, который мог бы возвыситься вместе с такими чудесами. Но поскольку и сам я стремлюсь поведать о великом из любви к нему, и вы, как я вижу, совсем не зеваете, слушая, то прибавлю еще и другие чудеса, так как считаю, что лучше рассказать то, что мне по силам, чем оставить без упоминания то, что может принести вам великую пользу. Вошел однажды в некий храм своего города этот муж, чтобы совершить по обычаю вечерние песнопения. Случилось же почему-то так, что в храме не было народа. И вот, поскольку там не было никого, кроме прислужников и служащих, он велит зажечь свет больше обычного и сам радостно встает перед престолом, возгласив обычное: «Мир всем». Не было там народа, чтобы, как обычно, ответить, но свыше послышался некий глас целых мириад, возглашающих: «И духови твоему». Голос же этот был музыкальным и гармоничным и превосходил то, что может человеческий. А когда и диакон совершил молитву, то охваченный страхом, услышал он снова - о чудо! - «Господи, помилуй», так божественно возглашаемое. И поскольку этот голос сделался явным и для тех, кто был снаружи, все сбегались, одновременно страшась и удивляясь. И пока они не оказались внутри, этот возглас поражал их слух, а когда оказались внутри, то ни услышали, ни увидели больше никого,

кроме праведного и немногих бывших с ним, которые и сами сказали, что не видели никого до этого момента, но только слышали испускающих глас божественного ликования.

29. И этого вот не должно умолчать - поэтому узнайте, услышав, то, что следует сказать. Ведь когда он снова совершал вечерние песнопения, масло в лампадах уже закончилось, а другого, так случилось, не было, и потому светильник был близок к тому, чтобы погаснуть. Он начал колебаться, не желая оставить службу незавершенной. И вот тотчас незримой силой светильник переполняется маслом. Масло же лилось потоками, и, подставив сосуд, служители собирали стекавшее. Такой обильной благодатью был пронизан великий [Спиридон], которая переполняла его душу не меньше, чем лампаду - чувственный елей. А то, что и в глубины души он мог беспрепятственно заглядывать, показывало и прежде наше слово, когда он упреками исправил прелюбодейку; покажет же и теперь.

30. Есть на Кипре город, одноименный ливийской Кирене. Туда из Тримифунта великий отправился однажды по какой-то нужде. Последовал за ним и его ученик Трифиллий, уже получивший согласно тому сну (**См. См. гл. XVII. - прим. ред.**) кафедру города Каллиникии. Когда, проходя через город Киферею и через гору Пентадактилон, оказались они в так называемой Паримне (это хорошая и приятная местность, производящая множество

замечательных вещей), Трифиллий, увидев это место, и сам возжелал стать хозяином чего-нибудь в Паримне и пожертвовать это своей церкви. Это очень занимало Трифиллия и вращалось у него в уме, однако совсем не незримо для внутренних очей [Спиридона](#). Но он отлично видел это и ласково пожурил ученика: «Зачем, Трифиллий, обращаясь к этим пустым и суетным вещам, ты заполняешь ими сердце, желая полей и виноградников, которые на самом деле ничто, но только кажутся с виду и по имени сладостными? Есть у нас на небесах имение непреходящее, есть жилище нерукотворное - о них заботься, ими и прежде часа наслаждайся в надеждах, потому что они не переходят от одного к другому, но кто однажды оказался их хозяином, остается им, никогда не лишаясь этого удела». Услышав это, Трифиллий, не просто внял этому, но и исправил свой помысел и скрыл это в кладовых сердца, равно как и попросил у святого прощения и жил после этого праведно, так что и стал, согласно Павлу, избранным сосудом Христовым и сподобился тысяч милостей. Так люди наставлялись великим: одни - добровольно, другие - и против воли, и не желавших принять наставление ждал недобрый конец, как и в следующем случае.

31. Один моряк из города святого, после того как однажды отлучился и провел в отлучке долгое время, целых два года, вернувшись в любезное отечество, обнаружил, что его дом враждебен ему. Дело в том, что его жена открыто блудила, чему

был и неложный свидетель - тяжесть чрева и носимый плод. Итак, он тотчас же чуть не убил ее за это, ибо «Полон, - говорится, - гнева муж ее» (*См.Прем. 6,14. - прим. ред.*). Едва же совладав с гневом и решив, что не следует ему ни жить больше вместе с ней, ни убивать, конечно, ее (ведь для нее это будет погибелью, а для него - позором на всю жизнь и сердечной мукой без конца), он оставляет ее, спешит же тотчас к святому. И рассказывает ему все по порядку: об отлучке, о времени, о блуде и о неопровержимом свидетельстве ее чрева. Затем он спрашивает, что ему предпринять, как поступить, что делать с этим, ибо сам он решил отпустить свою жену, но хочет узнать, одобряет ли и тот такое. Тот же удивляется его рассказу и сочувствует его несчастью - зовет женщину и даже не спрашивает ее, ведь расспросы были бы напрасны и излишни (ибо что могло рассказать вернее, чем ее чрево?). «Что же, действительно, - говорит он, - случилось, что ты так обесчестила и себя, и мужа?» А она - ведь женщина - это существо наглое, дерзкое и бесстыдное, поскольку однажды отказалась от стыда, - нисколько не постыдилась явно лгать и открыто настаивала, что ни с кем другим не сходилась. Когда же святой указал ей на срок его отлучки, который может обличить ее ложь, она и тогда не отказалась от бесстыдства, но возмутилась, проклятая, и попыталась, вседержостная, возражать, так что оскорбила слушающих своими оправданиями больше, чем прелюбодеянием. «Пока ведь, - сказала она, - муж был на чужбине, столько был и младенец у меня во чреве, чтобы явились

одновременно и тот из чужбины, и этот из моего живота». Итак, когда она бесстыдно говорила великому это и больше этого, порождая тем самым смущение, наполняя своим криком город и призывая, словно тяжело оскорбленная, всех присутствующих на свою защиту, тогда этот кротчайший, не столько подвергая ее наказанию, сколько привлекая страхом к покаянию, говорит: «Если, о женщина, в сколь великий ты впала грех, столь же великое принесешь и покаяние, может быть, и большая останется у тебя надежда на спасение. Ведь нет такой силы у греха, чтобы она превосходила Божиего человеколюбия. Поскольку же от прелюбодеяния ты произвела на свет отчаяние, а от отчаяния - бесстыдство, то справедливо было бы тебе познать расплату за это и подвергнуться суровой каре. Впрочем, давая тебе место для покаяния, мы ясно прибавляем, что этот носимый тобой в чреве не появится на свет, покуда ты продолжаешь покрывать свет истины глубоким мраком лжи, думая скрыть, как говорится, видное даже слепым». Слова эти делами стали вскоре для этой женщины, и перед сроком родов тяжелые схватки, настигнув ее, мучительно сотрясали чрево, а плод все еще оставался внутри. И вот последнее зло: ее, так и не согласившуюся отказаться от своего безумия, схватки предают несчастной и жалкой смерти. Кто-то другой пожалел бы о ее несчастье, а я жалею о ее лукавом и неисцелимом уме, из-за чего святой, говорят, еще сильнее огорчился, стал проливать слезы и прибавил: «Не буду я больше судить никого из людей, раз этот приговор так сурово постиг ее».

Все это увиденное и услышанное породило в присутствовавших большой стыд перед великим, и из-за этого они богобоязненно относились к нему и со страхом взирали на него, как и в древности на апостолов, сотворивших такое же чудо с Ананией и Сапфирой.

32. Но это был рассказ о лукавой и дурной женщине, предстоит же и о доброй. У некой женщины по имени Софрония был целомудренный и благочестивый нрав, однако не единомыслен в вере был ей муж, но придерживался эллинского заблуждения. Она же не прекращала ходить к святому и горячо просить его избавить мужа от этого безумия. А ее муж не запрещал эти посещения святого, отчасти потому что не знал, зачем она там бывает, отчасти же, потому что и сам он ходил к нему, беседовал с ним, как с другом, и почитал себе за честь почитать его - случилось однажды великому прийти и к нему. Итак, когда он пригласил и других людей, и все они вместе ели и пили у него в гостях, святой, желая под благоприятным предлогом уловить своего друга-эллина, обратился к одному из прислужников: «Маленький мальчик, которому я доверил пасти мое стадо, охваченный глубоким сном, потерял скот. Очнувшись же от сна, после упорных поисков нашел его весь, спрятавшийся вместе в одной пещере, но перед тем, как нашел его, послал гонца, чтобы сообщить нам о случившемся. И он, уже прибыв, стоит перед воротами. Поэтому спустись ты, имярек, и сообщи гонцу, что все они без исключения нашлись, и никто из стада не пропал». Услышал это слуга и, быстро

спустившись, рассказал стоявшему перед воротами. Все только поднялись из-за стола, как снова другой гонец, прибыв, рассказал все совершенно так же и о находке, и о месте, и что число их не уменьшилось. Эта весть, полностью совпадавшая со сказанным святым, привела идолослужителя в большое изумление, и он поклонился праведнику как богу и захотел сделать то, что некогда и ликаонцы с Варнавой и Павлом: принести им в жертву быков и повесить на ворота венки. Но он, как и те, сказал ему: «Я не Бог, но скорее, - раб Божий и подобный тебе человек. То же, что я знаю Единого Бога, дало мне дар знать и это. Если и ты исповедаешь Его своим Владыкой, ты все будешь знать с достоверностью, ибо у Него непобедимая власть и сила». Так сказал преподобный; а жена, любя Христа более чем мужа, воспользовалась этим необычайным чудом, как удобной возможностью, и, добавляя соответствующим образом свои слова, стала убеждать мужа отречься от всего его суетного заблуждения и посмеяться над почитанием идолов, обратиться же лучше к благочестию и облечься во Христа через крещение.

33. Если же мы предадим молчанию следующую повесть, то как бы нам не только не лишить слушателей величайшей пользы, но и, более того, вместе с полезным и сопутствующей ему радости? Так что пусть будет рассказано и это, и пусть насытит добролюбивые уши. Рассказывают, что великий с большой умеренностью и свободой и управлял своей епископией, и не менее заботился о

стаде. Итак, однажды темной ночью воры, забравшись в загон, утащили несколько голов из его скота. Но Бог, Заботящийся о пастыре, не пренебрег заботой и о пасомых им. Поэтому эти тати, незримо скованные неразрешимыми узами, не могли больше двинуть руками и вообще удалиться оттуда. Уже настало утро, и великий, узнав о случившемся и увидев их с заведенными за спину и связанными руками, и молитвой разрешил их от оков, и, долго убеждая их праведными трудами добывать себе необходимое, дал им также барана, ласково приговаривая: «Чтобы не напрасно вы бодрствовали». Впрочем, за сказанным последовало и другое, не уступающее ему в приятности.

34. Один тримифунтец, будучи хозяином корабля и нуждаясь в деньгах для торговли, приходит к святому, чтобы занять у него. А тот, будучи исполнителем среди прочих и той заповеди, которая говорит: «От хотящего у тебя занять не отвращайся» (**См. Мф.5,42. - прим. ред.**), то небольшое, что у него было, да и то на нужды епископии, охотно вручает ему. Он же, взяв это и удачно совершив плавание, приходит к святому, чтобы отдать долг, а тот, сам ничего не считая и, как обычно, внимательно не посмотрев на количество, велит ему встать и положить в тот шкаф, из которого он прежде и взял. И тогда, устыдившись доброты и неделовитости заимодавца, торговец положил туда деньги, как ему и было приказано. Когда же снова случилось у него необходимость, он так легко брал, так же бесхитростно и клал обратно, и часто это происходило таким

образом. Однажды вошла в купца страсть сребролюбия, и он повел себя с доверившим ему неверно и лукаво и прегрешил против истины: найдя эту свободу основанием для злодеяния, он притворяется, что положил обратно, а сам, ничего не положив, но заперев шкаф пустым, удалился. Но не захотел, чтобы так провели святого, «Уловляющий мудрецов в лукавстве их» (**См. Иов. 5,13; 1 Кор. 3, 49. - прим. ред.**), как говорит Священное Писание, дабы не была легко обманута его простота и открытость и дабы легко не презрели и не обесчестили его лукавые. Итак, посмотри, как попытавшегося причинить вред мудрый и справедливый промысел Божий заставляет скорее повредить самому себе. Ибо расходами, не направленными, как обычно, к выгоде, растратив деньги и снова придя в нужду, он снова вспоминает о прежнем пути и, придя к великому, того золота, которое не вернул, просит, словно вернул его. Не скрылось от того такое злодеяние, но он велит ему пойти, как обычно, и взять. А тот, как будто не сделав ничего дурного и нечестного, отправляется взять якобы положенное и, открыв и найдя шкаф пустым, каким его на самом деле и оставил, сообщает святому, думая скрыть это, но слышит в ответ, чтобы поискал тщательнее: «Из того, что ты положил, ничего чужие руки вообще не трогали». И он снова притворился, что ищет, но поскольку невозможно то, что неистинно, - прикинувшись незнающим, он сказал, что совершенно ничего не нашел. А благой и кроткий муж сказал: «Если ты, о любезнейший, действительно положил, то легко бы и нашел то, что положил; если же оно осталось у тебя, то

что ты пытаешься взять это теперь у нас? Знай, что ты обманул скорее себя, чем нас». Услышав это и сжигаемый тайными упреками совести, тот больше не вынес, но тут же пал на землю и, коснувшись его священных ног, попросил прощения. А он, готовый скорее прощать, чем быть упрасиваемым, увещевает того больше не желать так чужого и не пятнать совесть коварством и ложью. «Ведь получается от этого, - сказал он, - совсем не выгода, а чистое наказание».

35. Упомянув еще об одном деле святого, наше слово перейдет к его кончине. Рассказывают, что еще при жизни святого, когда он был предстоятелем своей епархии, Александрийский патриарх, созвав собор всех подвластных ему епископов, захотел сделать эллинские изваяния и статуи жертвами общей молитвы и ниспровергнуть их на землю. Ведь город был еще полон ими, и, подобно Павлу, и он возгорелся духом и пылал душой против нечестия. Итак, когда все собрались и предались молитве, остальные изваяния по мановению Божию и силе сотряслись и упали на землю, и только одно из них (хотя многие, конечно, и поодиночке, и вместе с патриархом творили молитву) осталось на своем месте, не потому что Бог не принимал или посрамлял их молитвы, но так как по Своему мудрому устройению желал прославить Своего служителя и явить неизвестное многим - каков среди епископов [Спиридон](#). И вот, когда уже настала ночь, сам патриарх все еще прилегал к молитве, и некое божественное

видение, явившись, велело ему не отчаиваться, что этот идол упадет, ибо лишь [Спиридону](#) и только ему одному предназначено ниспровергнуть его, но «пусть он поскорее пошлет за тем на Кипр, ибо этот муж - епископ Тримифунта». Патриарх поступает, конечно же, согласно этому приказу и, послав письмо, приглашает святого. А письмо это сообщало и о причине приглашения, и о явившемся видении, и что от приезда не должно отказываться. Тот же соглашается сразу, как только кончил читать написанное, и отправился в путь: взойдя на корабль, отплыл в Александрию. Итак, корабль причаливает к Неаполю (это - знаменитая Александрийская гавань), а он, сходя с корабля, помолился про себя, и как только его ноги ступили на землю, мерзостная статуя, сумевшая выдержать молитвы многих, вместе с самим храмом сокрушилась и превратилась в пыль. Это и известило папу о его прибытии, никому еще не известном. Ведь когда видевшие рассказали, как сам по себе упал этот идол, папа тотчас же сказал: «Друзья, [Спиридон](#) из Тримифунта». И они, поспешив (ведь он приказал им встретить его), еще на спуске [к пристани] встретили великого. Кто из живущих на краю земли не слышал об этом чуде? Узнали византийцы, узнал и сам властитель, услышали все города, лежащие посреди, и почти всю вселенную обошло это чудо. Невозможно сказать, сколь великую пользу принесло оно верующим и неверующим, так что одни обратились к благочестию и приняли священное крещение, а другие еще тверже укрепились на его основании. И это не некий простой и непроверенный слух,

но и образ говорит и свидетельствует об этом - он находился между так называемыми главными воротами и храмом, я имею в виду - Тримифунтским, где священные останки [Спиридона](#), и рассказывал по порядку и о другом. Но, оставив другое, как было обещано, перейдем к его божественной кончине.

36. Стояло лето, поля были тучны, и урожай у святого был богатый и обильный. А он, исполняя большинство дел сам и работая руками, берет в руку серп и начинает жать. Внезапно всего несколько капель, хотя Бог не посылал тогда никакого дождя, падают только на его священную голову - так Божество показывало, что и он, расцветая добродетелями, словно некое доброе поле, орошается каплями, да так, как еще никогда прежде, и этот плод приносится Владыке и Земледельцу. А за этой необычайной вещью последовала и другая, еще необычайней. Ведь когда он, держа свою голову правой рукой, явил присутствующим то, как она цветет от росы, его волосы оказались одновременно и рыжего, и черного, и белого цвета - не знаю, что Бог хотел ознаменовать этим. А он, как обычно, поняв все, сказал присутствующим: «Знайте, друзья, что я уже переселяюсь из тела, великой же славой Господь окружит память моего преставления, и многим людям день моей кончины будет поводом для празднества, так что все возрасты: и юноши, и мужи достигшие средних лет, и старцы, будет любочестно справлять его». Сказав и произнеся это и многое другое, но также и увещав их должным образом и

изъяснив в речи к присутствующим всякое спасительное благо, а особенно относительно самой благородной и все остальные превосходящей добродетели, я имею в виду любовь к Богу и ближнему, он вскоре, как, действительно, и предсказал, предал свою чистую и священную душу, ангелам став достойным собеседником, однако и людей полностью не оставив, но еще больше предстательствуя за них теперь, когда стал еще ближе к Богу и еще большим пользуется у Него дерзновением. Много чудес, итак, и после кончины он свершил и свершает поныне. А мы, чтобы ни после конца жития не описывать сразу и все чудеса, ни снова надолго не затягивать наше произведение, упомянув об одном или двух, положим в Боге конец слову.

37. Рассказывал некто из христоролюбивых и горячо любящих святого, но любящих не меньше и истину, что во время совершения праздника (а совершается он двенадцатого декабря) приходит и он к его гробнице, словно чтобы встретиться с живым, всем своим лицом выражая почтение и благоговение по отношению к нему. Когда же он был уже рядом и хотел бросить взгляд, «такое,- говорил он,- божественное посещение почувствовал я внутри себя, и так оно прошло через мое сердце, что я вознесся духом и помышлял только об его красоте, забыв обо всем земном, забыв и о своем теле и оставаясь почти безгласным и немым, равно как и без пищи, и ни к кому словами не обращался, ни к пище или питью вообще не подходил, разве что

только причастился Владычного и божественного Тела и Крови». Однако и другой раз случилось с ним еще большее чудо, и очень приятно рассказать, каким образом. Он, как было сказано, снова был привлечен праздником и, прибыв в Тримифунт и поклонившись и облобызав раку, хранящую мощи святого, исполнился так же, как и тогда, сердцем света, а душой - радости и словно получил, насколько это возможно, в настоящем знамение благ, ожидающих святых. Затем пошел он и на ярмарку, чтобы купить кое-какую одежду, платья для бедных и неимущих, к чему призывала его и погода, ведь тогда был холод. Итак, когда он исполнил это и должен был идти домой по велению нужды, было, как обычно зимой, большое скопление облаков, и грозил пролиться сильный дождь, так что, подвергшись такому несчастью, он немало сомневался, как со своим грузом проложить себе дорогу домой. Тогда он положил себе благое упование и, взвалив свой скарб и все одежды на вьючных животных, сам бежит к храму, чтобы, как мог, обнять раку и, горячо припав, словно к живому, попросить сопутствовать ему в дороге, стать для него и для всех его спутников добрым предводителем и сделать легко проходимым их путь, сдерживая грозящий дождь и бушующий ветер. Помолившись так, он выступает из Тримифунта. А святой, как тот и молился, не только невидимо, но даже и видимо был с ним на всем пути, словно некий проводник. Дождь же, нависавший, так сказать, из-за смешения воздуха и скопления туч, он также сдержал своей силой и не дал ему пролиться. Но когда этот муж, наконец, достиг дома,

он тотчас становится незрим, а сердце снова осиял несказанный свет, и наполнила радость, словно коснулся его святой и даровал ему от своего веселья и радости. Когда же и святой исчез, а этот муж оказался внутри дома, тотчас последовал дождь, просто проливной, и продолжался так долго, что не переставал целых три дня. И тогда он разрешил ему трудности путешествия, а в другой раз - и другую сложность.

38. Настал день праздника святого, но снова трудно было этому мужу встретить его, и, считая это для себя несчастьем, он с молитвой попросил не лишать его обычного посещения и благодати. И вот, молитва еще не закончилась, а он оказался уже рядом с храмом и одновременно почувствовал его присутствие и приобщился обычной заботе [святого] и сладости. И увидел он, что и сам [святой] вошел вместе [с ним] в храм, чтобы помолиться, и был с ним на всем славословии, а затем, благословив всех присутствующих, в конце удалился.

39. Мое слово сказало, если и не все о нем, то вполне достаточно для добролюбивых. А как он заботится и о постоянно молящихся ему, пусть не другой рассказывает, но, как подобает, только те, кто ежечасно сподобляются его чудес. Не следует же боголюбивым порицать и то, если кто, недоумевая, спросит, откуда такое море чудес у [Спиридона](#) и, что такое некогда совершив, он так одарен Владыкой. Пусть знает, что все эти блага собрались к тому словно

по согласию, чтобы стал знаком лучшего жития. Но было у Спиридона одно как бы качество и свойство, отличное от других - величайшее превосходство в смиренномудрии и скромности, и то, что, превосходя почти всех, кто сподобился дара благодати чудес, он и себя почитал ничем, и от обычных и отягощенных грехами людей себя считал ни в чем не отличным. Таковы его свершения в жизни, таковы и его чудеса. Да удастся и нам с его помощью подражать некоторым из его дел (ведь все невозможно даже и рассказать), чтобы стать сопричастниками уготованных ему благ милостью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение, теперь, всегда и во веки веков, аминь.

Текст приводится по книге *"Святитель Спиридон Тримифунтский Кипрский Чудотворец. Агиографические источники IV-X столетий"* Перевод с древнегреч. - А.Ю. Виноградов, науч. ред. - Д.А.Поспелов. Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008 г).

Скачать книгу можно по ссылке:

<http://depositfiles.com/files/kwn78e6ns>

› [Назад](#)

› [Вперёд](#)

[Главная](#) | [Житие](#) | [Чудеса](#) | [Иконы](#) | [Молитвы](#) | [Разное](#)

[E-mail](#)

Copyright © 2009

UCOZ SERVICES